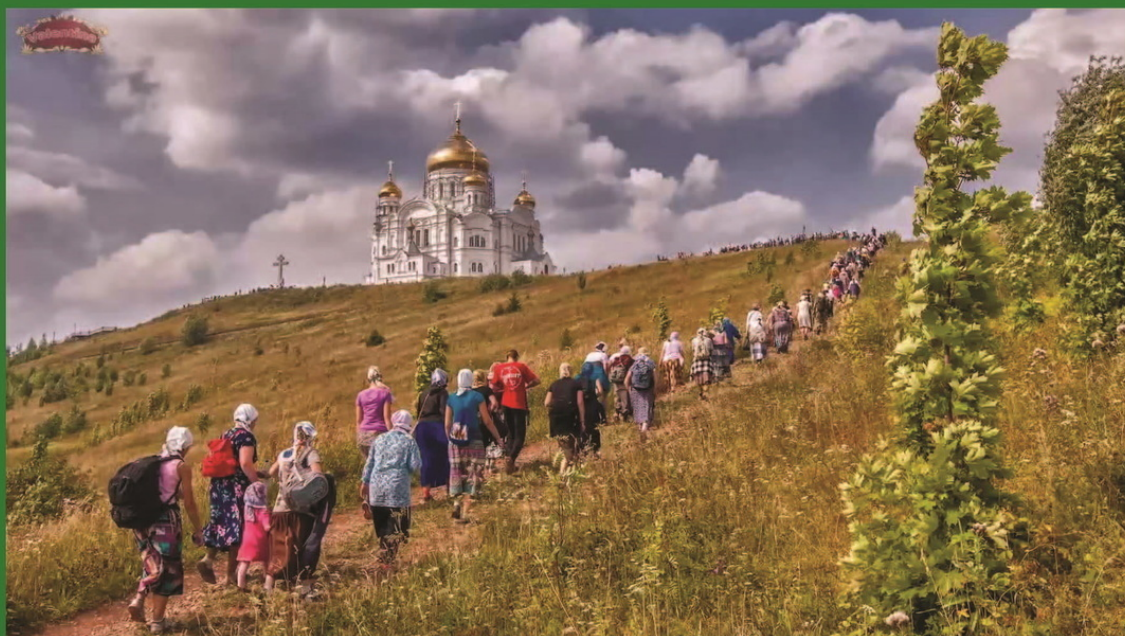

И. ВЯЗОВСКИЙ

ИЩИТЕ И ОБРЯЩЕТЕ

Рассказы о вере
и жизни

САТИСЪ

Игорь Вязовский

Ищите и обрящете.
Рассказы о вере и жизни

Православное издательство "Сатись"

2002

Вязовский И.

Ищите и обрящете. Рассказы о вере и жизни / И. Вязовский —
Православное издательство "Сатись", 2002

ISBN 5-7868-0053-1

В основу этой книги легли судьбы людей, их духовные искания, переломные моменты, когда человек приходит к Богу, его мучительные раздумья и покаяние за содеянное ранее. Все это было уже опубликовано в той или иной мере в газете «Вера», а пару рассказов попали на эти страницы через Самиздат и много – много лет ходили по рукам читателей в рукописном виде. Несмотря на их разноплановость, непохожесть в стилистике и во многом другом, в них есть одно общее: боль за судьбу нашей Родины, процесс переосмысления своей роли в этом мире, неудовлетворение и нежелание жить без внутренней духовной основы. И как результат всего этого – обретение веры в Бога, первые пути воцерковления в лоне Русской Православной Церкви, преображение своего внутреннего «Я».

ISBN 5-7868-0053-1

© Вязовский И., 2002
© Православное издательство
"Сатись", 2002

Содержание

Предисловие	6
Обретение веры	7
«Блаженны изгнанные правды ради...»	10
Несмолкнувший голос	13
Бумажные цветы	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Игорь Вязовский

Ищите и обрящете.

Рассказы о вере и жизни

По благословению

Митрополита Санкт-Петербургского и Ладужского ВЛАДИМИРА

© И. Вязовский, текст, 2002

© Издательство «Сатись», 2002

Предисловие

Начало этой книге было положено, как я теперь могу судить через несколько лет, с пастырского благословения протоиерея о. Василия Ермакова – настоятеля церкви прп. Серафима Саровского в Санкт-Петербурге. В то время мы с мамой вернулись в ее родной город на Неве, и я неожиданно для себя оказался без работы. В это трудное для нашей маленькой семьи время, большой поддержкой нам была Церковь, проповеди и наставления батюшки Василия. Через несколько месяцев неопределенности, меня пригласили на работу собственным корреспондентом в православную газету Севера «Вера – Зеком». Это было настолько неожиданно для меня, что я пошел за советом и благословением к о. Василию. Да, я работал до этого журналистом, режиссером около 10 лет, но это же было на ТВ и это совершенно другая специфика. Батюшка выслушал мои сомнения, задумался на мгновение и благословил. До сих пор помню это ощущение, когда ты сидишь перед листом чистой бумаги, а слова и мысли разбегаются в разные стороны. То, что получалось после таких «трудов» было похоже на сочинение нерадивого ученика 5-го класса. Нужен был человек, который мог бы со стороны объективно «ставить оценки». Этим человеком и оказалась моя мама Нина Ивановна. Новые знакомства, темы, интересные люди, командировки... – все это снова вошло в нашу жизнь. Но одним из главных стало то, что происходило потом, когда я возвращался домой, и мы с мамой слушали магнитофонные записи разговоров с людьми, обсуждали, какую тему оставить, как подать ее с точки зрения нравственности, полезности читателям, детально разбирали то, что появлялось на бумаге. Так родился наш творческий союз, потому что, помогая мне, мама стала писать и сама.

В основу этой книги легли судьбы людей, их духовные искания, переломные моменты жизни, когда человек приходит к Богу, его мучительные раздумья и покаяние за содеянное ранее. Все это было уже опубликовано в той или иной мере в газете «Вера», а пара рассказов попала на эти страницы через Самиздат, и много-много лет до этого они ходили по рукам читателей в рукописном виде. Несмотря на разноплановость, непохожесть в стилистике и во многом другом, во всех этих рассказах есть одно общее: боль за судьбу нашей Родины, процесс переосмысления свой роли в этом мире, неудовлетворенность и нежелание жить без внутренней духовной основы. И как результат всего этого – обретение веры в Бога, первые шаги на пути воцерковления в лоне Русской Православной Церкви, преображение своего внутреннего «Я».

Обретение веры

Эту историю я услышал совсем недавно. Дело происходило на Алтае и главный герой здоровствует, надеюсь, и по сей день. Для человека верующего, подобные случаи, об одном из которых будет рассказано позднее, не являются исключением из правил. С обретением веры в Господа, появляется особый взгляд на происходящее в жизни. И там, где раньше человек видел лишь цепь случайностей или результат своих усилий – он вдруг начинает прозревать Отческую руку Бога: направляющую, вразумляющую, а порой и наказывающую за непослушание. Но слаба натура человеческая. И чтобы укрепить нас в минуты скорби и уныния, Господь являет нам свои чудеса и помощь.

«Чудит человек»

Дядю Петю в деревне считали чудаком. Никак не могли односельчане понять, что мужику еще надо. Жизнь вроде бы прожил, сыновей вырастил, дал образование, женил, хозяйство есть, жена еще бегает – ну и доживай спокойно свой век, как все твои сверстники. Нет, все его куда-то в сторону тянет. Придешь к нему поговорить о политике, о том, как раньше жилось спокойно, сколько можно было и почем купить, а он о каких-то своих высоких материях. Тут как-то начитался философов и давай нашей продавщице Дарье рассказывать, чем отличается Платон от немца Шеллинга. Около часа он на эту тему распространялся, народ за это время успел позабыть, зачем он и в магазин-то пришел. Может быть, он и еще о чем-то другом говорил, но лично Дарье удалось запомнить только эти два имени. Через некоторое время дядя Петя стал пописывать статейки в нашу районную газету. Ты представь только: разворачиваешь «Патриот Алтая», а там статья «Духовное оскудение русского народа» и подпись: П. И. Сивцов. Какое там «оскудение». Колхозы развалили, мужики все чаще и чаще стали в бутылку заглядывать, пенсионные гроши, и те задерживают, не говоря уже о том, что всем остальным вообще по месяцам не платят – это народу было понятно, это можно было потрогать, как говорится. Потом вообще стал говорить и писать о каких-то «истоках, возрождении нации, покаянии...» По воскресениям зачастил в наш районный городишко, сказывают, церковь посещает. Нашу-то деревенскую давно успели порушить за ненадобность. Да и в городе церковь не так давно открыли. Раньше там музей был, а тут узнал народ, что до революции это была церковь, собрали подписи, и пришлось властям выселять музей. Ну, кому хочется – пускай молятся, а Петро-то чего туда ходит? Одним словом, чудить стал человек к старости. Таково было мнение деревенского народа.

Дядя Петя же вовсе не чудил. Он стал верующим человеком. Нет, не в одночасье Господь явил ему Себя. Были и сомнения, было и предательство Бога в жизни дяди Пети – все было. Но однажды, машинально перекрестившись на большую икону, давно висевшую в их доме, припомнил Петр, как эта икона попала в их семью, задумался... Потом вспомнил свое личное и как-то сразу понял, что вера в Бога постоянно жила в его душе. Только не лелеял он, по своей греховности, этот слабый огонек. Задумался... Может быть, и не все сразу вспомнил, но именно в тот вечер он вступил на путь покаяния, на путь к Господу.

Не ведаем, что творим

Мальцом он еще был, но это на всю жизнь осталось в памяти. В то утро вернулись они в деревню с ребятами с рыбалки и, увидев скопление народа около церкви, сиганули в самую гущу. Старшие, переговариваясь вполголоса, чего-то напряженно ждали. Двери церкви, кото-

рые сколько помнил Петька, всегда были закрыты ржавым замком, на этот раз были распахнуты. Около стоял дядя Иван, работавший в сельсовете и никого не пускал вовнутрь. Да никто и не стремился, разве только несколько бабушек зачем-то пытались попасть в церковь, но дядя Иван был непреклонен. Ребятам удалось разглядеть в полутьме церкви каких-то мужиков, которые сначала что-то собирали, а потом принялись выносить и грузить на подводу иконы в красивых окладах. Бабушки стали энергично креститься, затем дружно подступили к мужикам. Слышны были их упреки, просьбы о чем-то и вялоленные ответы мужиков. Потом бабушки обступили подводу и им удалось забрать у этих мужиков пару икон. Те, кому они достались, а одна из них была бабушка Мария, она жила рядом с домом родителей Петьки, завернули иконы в платки и поспешили по домам. Когда они вернулись обратно, Петька этого не успел заметить, так как началось самое интересное. Подъехал, гремя гусеницами, трактор и остановился недалеко от церкви. Потом кто-то из ребят постарше залез на купол и привязал к кресту канат, который тракторист прикрепил к трактору. Машина нутно заурчала, люди постарше принялись креститься, кто-то из бабушек даже упал на колени, трос натянулся... Сначала погнулся железный крест, потом заскрипел и зашатался купол... Через несколько минут на земле лежали сломанные стропила, бревна, листы железа. В оседавших клубах пыли постепенно появилась обезображенная церковь. Слышался только шум двигателя, все молчали.

Дядя Иван сказал речь о том, что теперь в этом здании будет библиотека, изба-читальня, разные там всякие кружки. Выслушав это, народ задумчиво разошелся по домам.

Черная доска

Через пару лет бабушка Мария умерла. К ней в дом, немного подновив и подлатав его, перебралась со своим семейством дочка Авдотья. Та икона, что спасла бабушка Мария Баева, висела в красном углу, и Авдотья решила оставить ее как память о матери. Давно уже в тех краях власть создала колхоз и Авдотья была там не на последнем счету. Один раз даже вручили ей на общем собрании грамоту за ударный труд. Так и шла жизнь. Зашел однажды к ней кто-то из знакомых и, бросив взгляд на икону, обронил: «Авдотья, ты же активистка, а у тебя дома в святом углу икона висит рядом с портретами партийных вождей. Как-то не вяжется все это. Убрала бы ты икону-то». И послушалась Авдотья советчика. Сняла икону и положила в укромном уголке. Куда и где – со временем ушло из памяти.

В конце 30-х годов решили Баевы уезжать из Трусово. Взяв самое необходимое, остальное роздали по родственникам. Стефанида – Петькина мать тоже привезла от них кой-какие вещи. Среди них была какая-то черная доска размером 45 на 80 сантиметров. На одной стороне у нее стояли шпонки, вероятно, чтобы со временем не повело доску, другая же была гладкая. Пилить доску было жалко и, не найдя ей сразу же применения в хозяйстве, отложили до лучших времен. Так и простояла она несколько лет в старой саманке.

Петька понемногу подрастал. Пас в ночное лошадей, помогал заготавливать сено, ездил с отцом в лес за дровами, мать частенько вылавливала его на улице и отправляла работать на огород. Промелькнет лето как один денек, пора в школу. Наметет зимой сугробов чуть ли не под самую крышу и пробиралась по утрам детвора узенькими тропками до школы. Война в деревню пришла неожиданно-негаданно. Сначала ушел на фронт отец, потом старший Петькин брат Василий. Опустел дом, поселилась в нем тревога. Остался Петька за главу семьи, все мужские дела легли на его еще не окрепшие плечи. От забот сразу как-то притих и повзрослел Петр. Пришла вскоре следом за проводами в дом похоронка: убило отца. Видел сын, как заболело, зашло у матери сердце от горя, но помочь ничем не мог. Сам украдкой смахивал слезы, вспоминая батю. А Стефанида вспомнила тогда о Боге, перед которым могла бы помолиться за воюющего на войне сына. Попросить сберечь, сохранить ее дитяtko. Хватилась, а иконы-то в доме нет. Где взять – не знает. Приснилась ей однажды какая-то женщина и говорит: «Что

же ты, раба Божия, мучаешься, ведь икона у тебя в саманке стоит». Проснулась Стефанида и думает: «Про какую икону она говорила, давно, кажись, не держим икон в доме?!» Сходила все-таки в саманку, поискала среди разного житейского хлама и вернулась с пустыми руками.

Спустя некоторое время пошел Петр с матерью делать кизяки. Мать взяла свою доску, а ему дала ту, крашеную, что привезла от родных из Трусово. «На, – мол, – ничего с ней не делается». Делает Петр кизяки, потом присмотрелся что-то к доске, а она голубеет. «Мам, – говорит, – а моя доска цвет меняет». Мать же в ответ пошутила: «Делай, сынок, она от твоей работы еще краше будет». И снова продолжает работать, а на доску эту даже и внимания не обратила. Тут, надо же такому случиться, идет мимо старушка. Горбатенькая, дорогу палкой прокладывает. Остановилась чего-то и смотрит. Потом говорит: «Авдотья, ты что, с ума сошла: на иконе кизяки делаешь?!» – «На какой еще иконе?», – не переставая работать, ответила ей мать. «А ты посмотри у Петьки-то!» Бросила Стефанида свой станок и к сыну. Стали они чистить, мыть ту доску, а старушка не уходит, помогает. Чем больше чистили доску, тем явственнее проступал на ней образ какой-то святой, держащей в руке свиток с надписью. Присмотревшись, Стефанида ахнула: «Ведь это Она ко мне во сне являлась!» Потом, упавши на колени, взмолилась перед образом: «Матушка-заступница, сохрани сыночка моего Василия. Не оставляй нас Своей заботой и попечением». Икону мать поставила в святой угол и частенько поздно вечером, когда Петр уже спал, вставала на колени перед неизвестной Святой и молилась.

Спаси нас, Матерь Божия!

Вымолила мать сына своего. Вернулся по ранению старший брат Петра с войны. Зашел Василий в избу, прижал к груди родных, увидел икону и остоленел: «Где вы ее взяли?! Именно эту женщину я видел во сне перед последним ранением». Когда объяснили ему, как была обнаружена в доме икона, рассказал свою историю. «Воевали мы тогда уже на западе. Перебросили нас в одно местечко. Окопались, рядом в лесочке техника стоит. Нутром чувствуем, что не сегодня-завтра предстоит что-то. Приказали нам почистить оружие и выдают по два дополнительных боекомплекта – все ясно, через пару часов в бой. Вздремнул я и вижу во сне Эту Женщину. Ходит Она по берегу кровавого озера, мне же зачем-то надо было подойти к этому озеру, а Она не пускает. С тем и проснулся. Рассказал ребятам. Они мне и говорят:»Скоро, сибирячок, будешь ты дома«. Не верилось мне в это, но вышло так, как и предсказали мне ребята. В том бою получил я легкое ранение и даже в госпиталь не успел попасть, в медсанчасти услышал, что война кончилась».

С тех пор икона эта так и стоит в красном углу их избы. Да только одна мать до самой смерти каждый вечер шептала слова благодарности перед ней. Сыновей же закрутила жизненная круговерть, не до Бога им было.

Стоял дядя Петя перед этой Святой, вспоминал свою давно умершую мать, старшего брата, свои чудачества, душевную опустошенность, метания и так стыдно было за свою черствость и неблагодарность перед Господом, даровавшему их роду Такую Заступницу. Не там искал, не теми глазами смотрел. Вспоминал свою жизнь и мучительно думал...

Рано утром дядя Петя сел в рейсовый автобус и впервые поехал в церковь поговорить с батюшкой. О чем они там говорили, то народу не ведомо. Но с тех пор изменился дядя Петя. Кто его ближе знает, говорят, что какой-то он другой стал. А может быть, и правда, другой?! И это не очередное у него чудачество, а, наконец-то, обрел человек свое место на этой земле, почувствовал в душе Господа.

«Блаженны изгнанные правды ради...»

Моя мама, коренная ленинградка, в 11-нем возрасте пережила блокаду. Она много рассказывала мне о своем детстве. Родилась она в доме № 2 на Фурштадтской улице. До революции этот дом, как и большой продовольственный магазин на первом этаже, принадлежал известной в Петербурге купеческой семье. Торговали они фруктами, часто заморскими. В магазинах был образцовый порядок. Даже в советское время эти магазины отличались не свойственной той поре культурой обслуживания, чистотой, вежливостью. Дом на Фурштадтской был построен в начале XX века. Семья мамы жила на 4-м этаже по черной лестнице, в коммунальной квартире с окнами на улицу. А этажом ниже, под ними, в такой же комнате жила семья к тому времени уже покойного купца-предпринимателя. Его жена с сестрой, сын с невесткой и внучка Аня. Мама и Аня дружили с раннего детства. Они росли вместе, как две сестры. Дед моей мамы принадлежал к отверженному классу. Был священником. Какой-то бессознательный общий страх, видимо, сблизил эти две семьи.

В наши дни трудно себе представить, сколько гонений и преследований пришлось пережить им в те годы. Купцы — «кровопийцы, толстосумы, угнетатели». Мало кто под воздействием советской пропаганды сохранил благодарную память к русскому купечеству, так много потрудившемуся на ниве строительства Российского государства. Укреплявшему не только экономику страны, но и много жертвовавших на строительство православных церквей. Где-то в тайных архивах КГБ хранились имена ктиторов храмов, воздвигнутых на средства купцов и нещадно разрушенных богоборческой советской властью. А сами они купались ли в роскоши, так свойственной нынешним «новым русским»? Я познакомился с Анной Сергеевной — подругой мамы — в 1995 году, когда впервые посетил ее дом. Она жила одна в своей комнате, на третьем этаже. Меня, привыкшему к жизни без всяких излишеств, поразила скромность ее обстановки. Старинное кресло-качалка, трюмо, буфет без всяких украшений, печь, выложенная простым белым изразцом. В разговоре я как-то упомянул о былом их богатстве. Анна Сергеевна даже обиделась: «Мы никогда не были богаты. Просто у нас было «дело», в него и вкладывали капиталы. Сами жили скромно». Никогда я не слышал от Анны Сергеевны жалоб. С каким-то глубоким смирением принимает она теперешнее положение. Когда она захотела приватизировать свою комнату в коммуналке, чтобы, как память, передать ее после смерти двоюродной сестре, местные власти долгое время оспаривали принадлежность ей маленькой кладовки, за пользование которой она всегда исправно платила. Ходила, доказывала, упрашивала. И при этом ни тени озлобленности, раздражения. «Неубедительные основания для приватизации 3-метровой кладовки». А незаконная конфискация пятиэтажного дома, построенного родным дедом?! Это меня поразило до глубины души. Не 3-метровая кладовка, а весь дом по праву должен был бы принадлежать ей.

Отец Анны Сергеевны воевал на Ленинградском фронте. Его жена — Зинаида Павловна несколько раз ездила к нему на передовую. А когда он вернулся с фронта с тяжелой контузией, потеряв дар речи, трогательно ухаживала за ним до самой его смерти. «Вернувшись с фронта, — рассказывала Анна Сергеевна, — папа как-то обнаружил в книжном шкафу книжку «Три мушкетера», взятую им для меня перед самой войной в заводской библиотеке. Как могло случиться, что он не вернул ее своевременно, и она столько лет пролежала у нас дома? На следующий день он, никому ничего не сказав, пошел на завод относить книгу. Через проходную его не пустили, обругали. Расстроившись, папа потерял ориентировку и долго не мог найти дорогу домой. Вернулся только поздно вечером, к огромной радости семьи, измученной томительным ожиданием». «Эта семья очень честная и совестливая». Эти слова не раз повторяла моя мама, рассказывая о своем детстве. И в моем сознании как-то очень сильно запал образ этой семьи, имеющей в своем основании купеческие корни.

Еще одну историю купеческой семьи я услышал, побывав в Иванове. Это в очередной раз стало для меня подтверждением высоких нравственных качеств купеческого сословия дореволюционной Руси. И дай-то Бог силы пробуждающейся нашей стране обрести эти качества, утвердиться в них. Дабы не утратить вконец честь и совесть в погоне за наживой и легкой прибылью.

* * *

Михаил и Вера познакомились в храме, где оба пели на клиросе. Они были из богатых купеческих семей. Михаил хотел стать священником, но отец воспротивился: «У тебя другой путь. Нужно продолжать Дело». У отца было большое состояние: несколько крупных магазинов в Иванове. Через непродолжительное время молодые люди обвенчались в той же церкви. Жили в любви и согласии, воспитывали пятерых детей. После революции положение их резко изменилось. Советская власть конфисковала все имущество, отца у Михаила расстреляли. Нищету и страх перед дальнейшими репрессиями получила в наследство молодая семья. Михаил часто просыпался от любого шороха: «Это за мной приехали». Какая-то трудная мысль стала неотступно преследовать его. Даже с женой, с которой жил в полном согласии, он долго не мог поделиться своей тайной.

Однажды Михаил собрался в дальнюю дорогу. Шла гражданская война. Только перед самым своим отъездом он открылся жене. Оказалось, что перед арестом отец оставил ему и старшей дочери золото. Сказав при этом, что когда власть большевистская кончится (а он в это твердо верил), возроди Дело. Дочь должна была позаботиться о младшей сестре и часть золота пожертвовать на строительство храма. По смерти отца старшая сестра Михаила отказалась жертвовать на храм, ссылаясь на трудности послереволюционного времени. «Храмы сейчас закрываются. К чему их строить». Вскоре золото у нее украли. Брат, узнав об этом, очень опечалился. «Отдам свое», – решил он. А сестре посоветовал передать церкви отцовские иконы, хранящиеся у нее дома. Но та и этого сделать не пожелала. Через некоторое время с ней случилось несчастье – загорелся дом. Спасая имущество, она заживо сгорела.

Это событие тяжело подействовало на Михаила. Он увидел в нем возмездие Божие и решил искупить вину сестры: не откладывая, пожертвовать все золото на храм. Вера, хотя они и жили в нищете, когда узнала всю правду, возражать не стала. Попросила только отдать золото не в ивановские храмы, которые тогда всюю закрывались. Переодевшись для безопасности в форму командира Красной Армии, Михаил отправился в дальний путь – в Троице-Сергиеву лавру. Старец, к которому он обратился, долго думал, прежде чем взять золото. «Возьмите, – взмолился Михаил, – эти драгоценности заработаны честным путем. Это отцовское наследство». Старец согласился. «Бог вам воздаст, но не на земле. На земле даже следы ваши сотрутся. Вы же оставите следы на Небесах».

После беседы со старцем Михаил отправился в Свято-Духов храм. Старец, прощаясь, сказал, что св. Максим Грек будет небесным покровителем всего их рода. Из этой поездки Михаил вернулся другим человеком. Неотвязные мысли о возможном аресте совершенно его оставили. Напротив, он безбоязненно стал обличать богоборчество власти, не таясь, говорил всем о грядущем возмездии Божиим за уничтожение веры, поругание храмов. Его поместили в психиатрическую больницу. При выписке врач в разговоре с женой Верой, происходившем с глазу на глаз, сказал: «Ваш супруг – человек разумный, но для его безопасности лучше, чтобы его считали ненормальным»! На том и порешили. Но и в качестве умалишенного Михаил был неудобен. Слишком откровенно ругал он власть предрежащих, называя их сатанистами, обличал окружающих в безбожии. Многие его боялись и ненавидели, грозили расправой.

В последние дни своей жизни Михайл часто вставал ночью и выходил из дома. Вера, просыпаясь и видя, что его нет, выбегала на крыльцо и находила Михаила задумчиво сидящим на лавочке у калитки.

В ту страшную ночь, проснувшись, Вера не обнаружила мужа на лавочке. Недалеко от их дома проходило железнодорожное полотно. Там и нашла она раздавленное тело своего супруга. Не помогло Михаилу клеймо «умалишенный». Зато никому и в голову не пришло искать виновников этой трагедии. «Сам бросился под поезд в припадке болезни». И только Вера знала – не мог такой глубоко верующий человек, как ее Михаил, покончить с собой. Знала и всю оставшуюся жизнь, как крест, молча несла это знание в себе. Кладбище, на котором похоронили Михаила, снесли. Так исполнились пророческие слова старца: «На земле же даже следы ваши сотрутся».

Несмолкнувший голос

Две встречи оставили неизгладимый след в моей жизни, два человека заставили меня серьезнее задуматься над своей жизнью, углубили мою веру, расширили понятие Родины, ее истории – владыка Петербургский и Ладожский Иоанн и батюшка Василий Ермаков. Ни у кого другого не довелось мне найти таких ясных и проникновенных ответов на вопросы современности. И проповеди их – пламенеющие – слились в один огонь. Может быть и не точными словами я говорю это, но сердцем так чувствую.

Каждый год, 2 ноября, в день, когда закончил свой земной путь великий печальник Земли Российской владыка Иоанн (Снычев), приходит народ православный на Никольское кладбище Свято-Троицкой лавры на могилу любимого Пастыря. А 4 ноября – день хиротонии протоиерея Василия Ермакова – настоятеля храма Серафима Саровского в Санкт-Петербурге, который уже около 50-ти лет несет свое церковное служение. Оба они ровесники одного времени, пастыри Божией милостью. И это их духовное родство невольно соединило их в моем сознании...

Несколько лет назад, когда я еще жил в Сыктывкаре, жизненные обстоятельства вынудили искать духовных наставлений. Я приехал в Петербург с надеждой встретить здесь старца, способного разрешить мои сомнения, вывести из тупика. Перед этим я прочитал книжку о московском священнике Алексее Мечеве. А что если и сейчас в большом, незнакомом мне Петербурге живет такой старец? Одна моя давняя знакомая повела в кладбищенский храм Серафима Саровского. Дорога туда показалась мне дальней, народу в храме очень много, душно, и я еле выстоял литургию. Служба закончилась поздно, но большая часть людей не уходила, они ждали настоятеля. Кто для благословения, кто за советом. Время тянулось томительно долго.

Наконец, он вышел. Его тотчас окружили плотным кольцом, пробиться через которое представлялось делом невозможным. Однако пожилой священник, по виду действительно напомнивший мне о. Алексея Мечева, вскоре сам подошел ко мне. Это был о. Василий Ермаков. Он дал мне совет, показавшийся в то время неисполнимым. Однако я попытался его осуществить, и все мои проблемы разрешились для меня дивным образом. И он стал моим духовным отцом.

Еще до встречи с о. Василием, когда сомнения сильно одолевали меня, я познакомился с книгами петербургского владыки Иоанна. Его статьи о России, как и проповеди о. Василия, заставили задуматься о трагической судьбе русского народа, его неразрывной связи с православием. Эти два человека – о. Василий и ныне покойный владыка Иоанн – стали для меня истинными наставниками в вере, как бы соединившись воедино в моем сознании. Впоследствии, расспрашивая отца Василия, я с удивлением узнал, что и они были связаны одной судьбой.

Протоиерей ВАСИЛИЙ: «Мне Бог судил учиться с митрополитом Иоанном в нашей духовной академии. Он пришел учиться чуть позже меня: через три года. Ходил он в монашеском одеянии и вел тихий, скромный образ жизни. В то время мы и не предвидели, кем станет он у Престола Божия, мы учились служить Господу нашему Иисусу Христу, постигали науку пастырства. Время тогда было жестокое, еще был жив Сталин. Когда коммунисты отдышались от войны, они снова стали закручивать гайки. Я на будущего митрополита Иоанна всегда обращал внимание. Мы были с ним студентами, одногодками (разница в один месяц). У нас было общее сердце, мы не раз встречались с ним, как и с владыкой Владимиром, общались очень духовно. Мы знали то время, знали его нужды».

Два старца, два печальника о Русской земле. Несмотря на различие в сане, одновременно несли в Петербурге свой крест служения Богу, одинаково скорбят за русский народ...

Митрополит ИОАНН: «При всех шалостях и возрастных недостатках у меня все чаще появлялись мысли о вечности. Однажды, лежа на нарах в своем доме, я размышлял о смерти и о совершенном уничтожении моего «я». Когда я пытался представить себя несуществующим,

на меня находил такой страх, что я приходил в отчаяние и горько плакал. Тайна будущей жизни мучила меня. Я не мог примириться с мыслью о небытии.

19 июля ст. ст. вечером, накануне праздника пророка Илии, я по привычке отправился в городской садик на танцплощадку. Перелез через небольшую ограду в потайном месте и уселся на лавочке. Воздух был чистый, и сидеть было приятно. И тут со мной произошло нечто необыкновенное.

С моих глаз как будто бы спала пелена, мешавшая зрению, и перед моими очами открылась ужасная картина. Я видел, что вместо людей танцуют какие-то черные, отвратительные существа, покрытые шерстью. Вид их был настолько безобразен, что вызвал во мне отвращение и внутренний страх. Недолго раздумывая, я тем же путем, которым попал на танцплощадку, удалился с места ужаса.

Больше на танцплощадку я не возвращался.

Начался новый период в моей жизни. С этого дня душа моя наполнилась необычайной радостью. Ничто земное уже не интересовало меня, и я весь был устремлен в горнее. Бросил юношеские шалости, порвал с друзьями и заключился весь в Боге».

Протоиерей ВАСИЛИЙ: «Моя встреча с Богом произошла в страшное, далекое время 30-х годов. В то время уповать можно было только на Бога. Советская власть делала свое дело без всякой пощады. Мне было 5 лет, а сестре было 4 месяца. Я увидел молящихся, скорбящих дедушку и бабушку. И вот та молитва очень крепко запечатлелась в моем сердце. Это была первая, детская встреча с Богом. В 30-е годы люди жили без Бога – это было время атеизма. В моем родном Волхове Орловской области храмы стояли заколоченные, без крестов, с разбитыми стеклами. Когда началась война, и в семьи стали приходить похоронки, вот тогда-то и пошел крик народной души: «Как же мы так живем некрещеные, без Бога?!» Когда в октябре 1941 года Волхов оккупировали немцы, нам разрешили открыть храм во имя св. Алексия. Люди ходили по разоренным храмам, собирали иконы, которые не успели уничтожить. Нашли, например, чудотворную икону Иерусалимскую – она была приколочена к полу, и по ней ходили ногами...

...Когда я стоял в храме, мне было удивительно видеть горячую молитву людей, их слезы и вздохи. Это были в основном женщины в протертых фуфайках, старых платках, заплатанной одежде, лаптях, но это была единая молитвенная толпа. И крест, которым они осеняли себя, был истовый, благоговейный. То была настоящая, глубокая молитва русских людей, обманутых, но вернувшихся в веру...

16 июля вместе с сестрой я попал в немецкую облаву... Нас погнали на Запад. Разместили в Эстонии в лагере Палдиск».

Митрополит ИОАНН: «В октябре 1944 года меня призвали в армию. Я успешно прошел комиссию, был зачислен в одну из частей Советской Армии и ожидал повестки на отправку. Ее принесли поздно ночью. Батюшка благословил меня небольшой иконочкой с изображением Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

И я отправился в путь. Подошли к военкомату, но двери оказались запертыми. На наш стук вышел дежурный и объявил, что ему ничего не известно. Мы думали, что с повесткой кто-то злостно пошутил, и отправились домой. Но через три дня за мной явились шесть крепких парней и под конвоем повели в военкомат. Там меня объявили в дезертирстве и посадили в камеру. На допросе я пытался объяснить, что происшедшее – просто стечение обстоятельств. Не знаю, что мне помогло тогда: мои ли уверения или молитвы ближних».

Из проповеди о. Василия:

«Нашу веру убивали, но не добились. Уничтожали, но не уничтожили. Эта безбожная власть коммунистов, комсомольцев-добровольцев, отрядов СМЕРШ – эта власть выгнала в 1976 году меня за проповеди из Никольского собора. Но я не боялся. Я требовал от людей, чтобы они жили во Христе, любили и посещали храм, исповедовались, молились, жили по

нравственным законам нашей Христианской жизни. Меня вызывали уполномоченные и кричали: «Что ты там учишь?! Говори, какая была Казанская, какой это праздник и Аминь! Куда ты лезешь со своими проповедями?! К какому Богу зовешь?! Откуда ты взял, что время наше трудное? Да, если и что не так – это не твоего ума дело! Понял?!» А в Кировском райисполкоме мне вообще сказали, что меня надо расстрелять».

* * *

Так различны эти судьбы, и так едины – в одной судьбе России. Недавно я встретился с о. Василием. Только что кончилась поздняя обедня, отслужили панихиду, мы уединились в приделе храма. Около часа продолжался наш разговор с батюшкой, а там, за дверью, его терпеливо ждали люди. Уставшие после службы, они не расходились, смиренно ожидая своего духовного отца. И как-то неловко мне было во время нашего разговора, хотя я твердо знал, что все написанное и сказанное батюшкой эти люди прочтут с благодарностью. И снова я спрашиваю про владыку Иоанна...

– Когда он стал владыкой, еще в Куйбышеве, дело у него пошло очень хорошо. И церковное, и административное, – вспоминает батюшка. – У него были прекрасные связи, дипломатические способности. Он очень хорошо умел ладить с властью. У него был опыт понимания жизни изнутри. Он как-то находил ключик к сердцам всех коммунистов. Некоторые из них в душе верили в Бога, поддерживали его. Дело у него пошло. Когда его назначили сюда после митрополита Алексия, мое мнение таково, что для него это было непосильное бремя. Он был молитвенником, старцем, хорошо говорил проповеди, давал прекрасные наставления, и чисто по административной части эта епархия ему была не по силам...

Он писал книги. У него было не то окружение. Многие люди искали свою, чисто практическую выгоду. Отголоски этого и сегодня звучат в ряде газет. Не стремление помочь православию, помочь России, нашему городу движет этими людьми. Они расшатывают основу православия, убеждая, что оно, якобы, нуждается в корректировке. Они не знают, что такое духовная жизнь. У нас сейчас часть духовенства 70-х годов – бывшие комсомольские работники, обкомовцы, преподаватели вузов хотят переделать Россию-Мать. Не время, не то время. Надо воцерковляться в общем, народном масштабе. Надо принести покаяние, которое ждет от нас Господь. Каждому начать с самого себя, на том месте, на которое тебя поставил Бог. Но мы не готовы ни к покаянию, ни к обновлению. Не готовы осознать, зачем нам были даны эти страшные 80 лет советской жизни. Помните, как покаялся русский народ в 1612 году?! Тогда на Соборе выбирали Царя... Им стал тогда Михаил Романов.

Митрополит Иоанн: «Святое дело требовало сугубой подготовки: рабочим заседаниям Собора предшествовали три дня строгого поста по всей России. Ради полноты и строгости покаяния пост был наложен даже на грудных младенцев и домашнюю скотину. Поэтому, по словам современников, благоговейная духовная внутренняя тишина сопровождалась одновременно горьким детским плачем и стенаниями животных, как бы подчеркивая всеобщность раскаяния.

Московский Собор, разрешая вопросы, казалось бы, практической политики, на самом деле был поиском русскими людьми общего чаяния...»

Из проповеди о. Василия:

«Посмотри, русский человек, на то, что творится вокруг тебя! Куда зовет тебя книжная лавка, современная литература?! Что нам дают и предлагают? Что забрасывают в наше сознание? Сегодня много литературы, которая зовет нас, детей России, к той грязи, цинизму, криминалу, торжеству злобы, насилия, убийства, которые процветают на Западе. Все это делается для того, чтобы ты, русский человек, слушал не голос своей совести, а шел путем книжной диктатуры. Они не хотят, чтобы ты знал правду прошлого, трагизм нашей России, когда людей

ссылали, убивали, издевались, обманывали. Посмотрите, найдете ли вы это в той литературе, которую нам предлагают?! Красивая обложка, красивые открытки, хорошая бумага, но там нет души. Оттуда сквозит и прет жестокость Запада. Злая, демоническая, лживая истина! Призывающая нас к чему? Забыть веру своих отцов! Не думать о том, что нас ожидает. «Мы вам продиктовали, а вы верьте». Они забывают о том, что наша Святая Русь богата бездонными истинами, премудростью жизни, Божией благодатью. Эту истину от нас всегда закрывали, нам не давали ее вкусить. Мы жили по закону: это нельзя и это нельзя! Нельзя было иметь Евангелие, читать, говорить о нем. Убийцы души Российской, они прекрасно знали, что человек, прочитавший Евангелие, найдет ответ на любой вопрос. Евангелие – это Книга жизни, жизни во Господе!

Нам взамен этого предлагали Павок Корчагиных, Павликов Морозовых – убей отца, предай мать, и ты будешь с нами! Это было очень трудное время. Только в Хрущевскую оттепель мы узнали, куда ушли наши пленные, почему из немецких лагерей они попадали в лагеря советские: Магадан, Воркута, Колыма. Этих людей встречал на Родине взор собиста, допрос, анкета. И чуть что не так – ГУЛАГ! Мы тогда познали истинное лицо «рая» земной жизни. Мы узнали, что руками заключенных строился БАМ. Обманутые призывами партии, молодые люди уезжали на Целину. Что из этого вышло, – мы видим сегодня! Где эти воспоминания о лагерях, о жизни в Германии, о трагедии армии Власова? Где это?! Правда, якобы, не пользуется спросом. Нам говорят другую «правду» из-за рубежа. «Мы дадим вам новую жизнь, полную удовольствий и жвачек!» Русский человек, когда же ты прозреешь, когда поймешь, что книга твоей жизни – это святое Евангелие. По ней надо идти дорогой жизни, в ней черпать свою силу».

Митрополит Иоанн:

«Запомните все: не покаемся – не очистимся; не очистимся – не оживем душою; не оживем душою – погибнем. «Если не будет покаяния у русского народа, конец мира близок. Бог... пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозванных правителей, которые заливают всю землю кровью и слезами» – это слова праведного отца Иоанна Кронштадтского, сказанные задолго до катастрофы 1917 года».

* * *

Уже нет с нами здесь, на земле, владыки Иоанна. Я знаю, многие до сих пор переживают его неожиданную, безвременную кончину. Наверное, я счастливее этих людей... Мне покойно сознавать, что звучит еще голос другого проповедника, пришедшего к нам из того же послевоенного, закаленного поколения русских монахов и иереев.

4 ноября вокруг отца Василия было много цветов и много людей. Маленький кладбищенский храм не смог вместить всех желающих поздравить любимого батюшку. За советом и помощью, за утешением и молитвой тянутся к нему люди. Многие лета тебе, наш дорогой батюшка! Многие лета верного служения не ниве Христовой, в помощь и утешение всем страждущим и обремененным.

Да хранит тебя Господь!

(«Поминайте наставников ваших» из серии: «Духовное возрождение Отечества». В дальнейшем будут приведены выдержки из книг той же серии: «Русь Соборная», «Самодержавие Духа», «Наука смирения», «Одоление смуты», «Время приобретения».)

Бумажные цветы

В подземном переходе на Невском, прижавшись к стене, стоит девочка-подросток. К груди приколата табличка: «Помогите, умерла мама». Люди проходят мимо. Я подошел, подал два рубля – все, что оставалось в кошельке. Она подняла глаза: «Спасибо». Через пару дней я встретил ее снова. Она стояла на прежнем месте, так же безнадежно прижавшись к стене. Теперь рядом с табличкой было приколото свидетельство о смерти. Но люди, как и прежде, быстро проходят мимо. То ли действительно спешат, то ли боятся остановиться, увидеть...

В так называемой провинции нашей, в глубинке, меньше денег, нет работы. Но там ближе земля, рядом соседи, и люди еще не научились не видеть и не слышать чужого страдания. Что-то еще знают друг о друге. Чтобы понять, чем отличается бедность от нищеты, нужно приехать в большой город. Здесь, в шуме, непрестанном движении – человек совершенно одинок и беззащитен в своем горе, болезни, старости.

В этот раз, когда я возвращался домой после утомительного дня, на улице, перед входом в метро «Черная речка» стояла совсем старенькая женщина. Небольшого роста, в длинном выпцветшем плаще. На ногах у нее надеты большие потертые кроссовки, так странно дисгармонирующие со старинной аристократической, тоже изрядно поношенной и выпцветшей шляпкой. В руках она держала букетик маленьких бумажных самодельных цветов. Нет, она не просила милостыню, а предлагала купить этот жалкий, никому не нужный букет, безнадежно усталым, спешащим по своим делам, совершенно равнодушным людям. Глаза у нее были ясные и голубые. Я подошел, мы разговорились.

– Пенсия у меня маленькая, – как бы оправдываясь, сказала старушка, – раньше мы, жены, не работали, так что у меня полстажа только и набралось. Дали мне 27 рублей, потом до 36 дошло, после этого пересчитали на тысячи, сейчас получаю 290.

Мы присели на скамейку. Какой-то мальчик лет 14-ти все посматривал с любопытством, подсел, стал прислушиваться. Потом тихонько свистнул, пренебрежительно махнул рукой и убежал.

– Не обидно, как же вы на такие деньги живете? – спросил я старушку.

– Я еще, слава Богу, угол имею, постель теплую и чистую. Пенсию небольшую. Плюс тут, эти цветочки – это на чай и сахар. Когда-то я на курсах была, научили делать цветочки. Я их делала и дарила. Потом смотрю, стоят с наших курсов, продают. Жизнь-то тяжелая пошла, вот я и стала продавать. Мне жить уже плохо, все-таки, шутка сказать, 92 года. Приду почитаю, хоть это еще могу, лягу спать. Встану, а легкости в теле нет, как будто всю ночь дрова таскала. А чтобы сделать первый шаг, надо раскататься сначала. Так и живу.

– До революции так же тяжело жили, Валентина Ивановна?

– Да как вам сказать... Нас в семье детей было трое. Отец-то, простой рабочий, кормил нас всех. Мать занималась по хозяйству. И мы сыты были. У кого было и по 5–6 детей – тоже не голодали. Конечно, что такое мороженое, мы не знали, но обед всегда был. Покупали продукты на рынке. Сколько имеешь денег, на столько и покупай.

На мой вопрос, чем же занималась в те времена ее мама, моя собеседница искренне удивилась:

– Да если у нее трое ребят, мало ли дел по хозяйству! И на рынок сходить, обед приготовить, комнату убрать, постирать... У нас одна комната была. Раньше в отдельных квартирах жили только господа. Печка, дровяное отопление, вода холодная. В кухне стояла одна плита, на ней 5 конфорок. И все-таки успевали приготовить обед все. На нашей улице жили рабочие, и сама улица называлась «Рабочей». На улице была одна булочная, там наши мамы покупали хлеб. И к двенадцатым праздникам: Рождеству, Пасхе... купец этой булочной каждой хозяйке давал десяток пирожных бесплатно. Мы же ребяташки были, что с нас взять? Праздник-то

уже кончился, а мы идем в булочную и говорим: «Дяденька, нам бы праздничного». А сами-то все съели уже. «Как праздничного?! Мать-то ваша взяла». – «Не-е, дяденька, нет!» Он, чтобы отстать от нас, сунет всем по пирожному. И мы идем с «праздничным». Проще жизнь-то была. Наверное, не одни мы ходили, еще были желающие, – старушка задумалась, машинально перебирая свой букетик. – Нищие стояли только у церкви, на улице ни одного не увидишь. Я помню одну старушку. Снимала она угол – кровать, столик, сундучок – и все. Стояла у церкви, родных не было, старая-старая. Кто пирожок испечет дома, то кусок обязательно ей: «Снеси-ка Марье Авдеевне!» Так что по праздникам она была сыта. Да и в другие дни народ ее не забывал: подавал милостыню, пасху, куличи, яички. А сейчас, говорят, у некоторых это как работа. Переоденется в «рабочее» и тянет руку. «Отработал», и домой. Бога люди забыли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.